

Борис Юстинович Норман

Беларусь, Белорусский государственный университет, Минск

Грамматика каноническая, реальная и потенциальная

Ключевые слова: дискурс, реальная грамматика, потенциальные явления, грамматические профили

Key words: discourse, real grammar, potential things, grammar profiles

Abstract

In certain “sublanguages” (communication areas, functional styles, speech genres, etc.) grammar exhibits some variation. The differences concern the use of certain parts of speech, syntactic models, types of connections between words, kinds of function words, the frequency of grammemes (case, tense, mood, etc.), the realization of certain potential forms, etc. These are manifestations of the discursive conditionality of grammar.

В последние годы, наряду с традиционными жанрами академических, вузовских, школьных грамматик читатель получил множество новых грамматик русского языка, непривычных ему не только по названиям, но и по содержанию. Вот только некоторые из них: «функциональная грамматика» [Бондарко 1984], «ассоциативная грамматика» [Караулов 1993], «коммуникативная грамматика» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998], «лексическая грамматика» [Шарандин 2001]. А к этому следовало бы добавить еще «креативную» или «нетривиальную» грамматику Е. Н. Ремчуковой [Ремчукова 2005], призывы написать «объективную грамматику» русского языка М. В. Всеволодовой [Всеволодова 2012], а также новые жанры словарей, вроде «грамматического» [Зализняк 1974], «синтаксического» [Золотова 1988], «интегративного» [Апресян 1997–2003] и т. п. О чем говорят все эти попытки? По-видимому, о том, что традиционная грамматика и традиционный словарь как «руководство к речевым действиям» не удовлетворяют носителя языка; или, во всяком случае, они недостаточно адекватно отражают речевую реальность. В самой общей форме можно сказать, что это восстание сторонников описательной грамматики против многолетнего засилья грамматики нормативной.

И надо оговориться, что не только русский язык оказывается объектом таких попыток «лингвистического пересмотра». Подобные призывы, а иногда и готовые версии новых грамматик, предлагаются учеными разных стран мира. В частности, известный автор энциклопедии английского языка Д. Кристал издал новаторскую *Rediscover Grammar*, построенную с учетом фактов языкового варьирования [Crystal 1995]. Работа американского лингвиста Ф. Ньюмайера называется *Грамматика это грамматика, а употребление это употребление* [Newmeyer 2003]. В ней говорится, что «синтаксические структуры» Н. Хомского нуждаются в дополнении и корректировке со стороны когнитивистской *usage-based model*. А Дж. Сэмпсон в статье *Грамматика без грамматичности*, приводя многочисленные и многообразные примеры отклонений от правил канонической грамматики, встречающиеся в узусе, призывает к «реалистическому грамматическому описанию»! [Sampson 2007: 27].

Действительно, многие реальные факты русской речи никак не отражены в грамматиках и учебниках. Начнем с простого примера. Союзное слово *который* (а также *какой*, *каковой*) в придаточных определительных отсылает к некоторому существительному (или именной группе) в главном предложении, например: *Я встретил своего знакомого, которого не видел уже несколько лет*. Тем самым оно выполняет анафорическую функцию и служит в составе придаточного полноценным синтаксическим представителем антецедента (в нашем случае *которого* значит *знакомого*).

Однако в современных текстах, особенно научных и публицистических, нередки случаи, когда при относительном местоимении повторяется имя-антецедент. Это делается главным образом с целью уточнить расстановку синтаксических связей в высказывании и избежать ненужной неоднозначности, ср.:

Мы имеем в виду прежде всего свойство аффиксов агглютинативных языков вступать в грамматические **связи** с корнями (основами), **которые (связи)** выступают как дистантные, к тому же прерываемые [В. Б. Касевич, *Морфонология*].

Для научного дискурса такого рода вставные конструкции вполне естественны. В художественной же литературе повтор антецедента в придаточном определительном может никак не обособляться (ни скобками, ни тире) и приобретает вид особого приема, или фигуры речи, ср.:

Она нашла врача-травника **с компьютером, который компьютер** ставит диагноз, и доктор потребовал положить полосу фольги на кровать [Л. Петрушевская, *Западня*].

Вот я выпукло, колоритно вижу этого самого скифа, который едет на мелкой лохматой лошади, которая с сырым звуком ступает копытами **по песку, который песок** прошел сквозь тысячелетия в своем первозданном виде [В. Пьецух, *Я и море*].

Началась неуправляемая цепь ассоциаций на фоне общей эмоциональной **возбужденности** пациента, **о какой-либо возбужденности** ей, кстати, известно, как никому [В. Шендерович, *Синдром Степанова*].

Фактически перед нами – реанимация того синтаксического явления, которое было свойственно русскому языку примерно до XVII в., ср. известные примеры типа: «И вздевал на себя **шубу** соболиную, **которой шубе** цена три тысячи»; «**За реку-то** он броду не спрашивал, **котора река** цела верста» [*Древние российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым*]. А. А. Потебня указывал, что в подобных примерах повтор определяемого имени устранял неопределенность значения относительного местоимения, «придавая большую самостоятельность придаточному и ослабляя его связь с главным» [Потебня 1968: 264].

Но в современных текстах мы имеем дело с использованием данного грамматического средства в особых – прагматических – целях. Этот прием отдает стилизацией или даже некоторым языковым манерничаньем, и понятно, что это – своего рода заигрывание с читателем. Но в каких грамматиках современного русского языка отражена такая синтаксическая особенность?

Приведем другой пример, к которому мы уже пытались привлечь внимание [Норман 2012а]. Это притяжательные прилагательные типа *отцов, тетушкин, лисий* и т. п. В свое время В. В. Виноградов характеризовал состояние данного класса слов как «угасание» и заключал с категоричностью приговора, что судьба их «лишена перспектив» [Виноградов 1947: 200]. И надо признать, что грамматики в течение нескольких десятилетий относились к этим формам соответствующим образом, как бы не замечая их. Да и в реальной речи употребление притяжательных прилагательных не приветствовалось, если не считать образованных от личных имен, вроде *Петин, Машин, Наташин* и т. п. Вот характерная цитата:

- Вадим, что же, никогда не говорил вам о ней? Она живет здесь, в Питере. Только сменила фамилию Кокорина **на мужнину**.
- **Так не говорят**, – поморщилась Лиза. – На фамилию мужа.
- **Верно...** [Ф. Незнанский, *Ищите женщину*].

Однако современные художественные тексты демонстрируют довольно свободное образование притяжательных прилагательных, причем не только от названий человека и животных. Приведем свежие примеры:

Ну как же не король? И Зое очень-очень хотелось пасть в кровавые **хирурговы** объятия [Т. Толстая, *Охота на мамонта*].

Мы достали разных красок, и несколько кусочков жести, и гвоздей, [...] и жестянки прибили к хвостовому оперению, и подкрасили длинные полосы по всему **бочкиному** боку, и много еще чего понаделали, всего не перескажешь [В. Драгунский, *Удивительный день*].

Теперь я сижу за кассой и наблюдаю жизнь в **обменниково** окошко. Неужели это все, к чему я стремилась? [Н. Абгарян, *Понаехавшая*].

Ах, отчего душе так грустно
 Рукой усталой окунать
 Перо в **чернильнично** лоно?
 [И. Иргенев, *Сюжет впотьмах*].

Отмечая особенную активность притяжательных прилагательных в сфере топонимики и антропонимики, а также экспрессивной и детской речи, Т. В. Шмелева пишет:

В 1947 году невозможно было предположить, что в культурную и речевую практику вернется многое из того, что тщательно изгонялось. Вряд ли можно было себе представить, насколько свободными и изобретательными будут журналисты в XXI веке, как они научатся работать с прецедентными текстами и воспринимать свой текст в режиме интертекстуальности [Шмелева 2008: 369].

Действительно, прогноз Виноградова об отмирании притяжательных прилагательных не оправдался. Хотя в разговорной речи они, по большому счету, не могут конкурировать с иными способами выражения посессивности (ср. конструкции с зависимым генитивом: *объятия хирурга, бок бочки, окошко обменника* и т. п.), в художественных текстах они становятся ярким экспрессивным средством.

Добавим, что, возможно, «живучесть» данных форм косвенно поддерживается активными реминисценциями пословицы *Богу – богово, а кесарю – кесарево*. Вот несколько примеров из нашей картотеки.

Богу Богово, а мужику всегда **мужиково** [В. Астафьев, *Затеси*].

Дикобраза не алчность одолела. Да он по этой луже на коленях ползал, брата вымаливал. А получил кучу денег, и ничего иного получить не мог. Потому что Дикобразу – **дикобразово!** [А. Стругацкий, Б. Стругацкий, *Сталкер*].

Но зачем вину верблюда брать на себя? Отдадим каждому свое: железной дороге – **дорогово**, верблюду – **верблюдово** [А. Рубинов, *Откровенный разговор в середине недели*].

Не менее интересно понаблюдать за функционированием в русском языке глагольных безличных форм, образованных с помощью возвратной морфемы *-ся*. Согласно А. Вежицкой, безличные конструкции, выражающие неконтролируемые, неосознанные желания, – вообще одно из характерных проявлений русского мироощущения [Вежицкая 2011: 332, 355–356, 365–367 и др.]. Грамматики, разумеется, признают существование таких форм. Однако иллюстративный материал, как правило, сводится к перечню десятка лексем и оговорке, что для некоторых глаголов данные формы легче образуются с участием отрицания: *хочется, думается, работается, дышится, (не) верится, (не) гуляется, (не)*

сидится, (*не читается*, (*не пишется*) и т. п. Разумеется, в научной и деловой речи эти формы практически не встречаются: там представлено иное отношение к категории грамматического субъекта. Зато в художественных текстах данный класс форм характеризуется чрезвычайным разнообразием. Примеры:

Что-то мне совсем **не смеялось**. Я странно себя чувствовал [А. Каплер, *Одесса*].

Где сдавались выпускные и вступительные экзамены, где дружно болели сразу все, где на кухне **парилось и жарилось**, а в ванной **мылось и стиралось**, где **ругалось** с сантехником над протекающим бачком [Л. Петрушевская, *От первого лица*].

Но вообще наша домашняя философия меня больше раздражала, чем питала, и я тосковал по настоящему человеческому общению, как, наверное, за Полярным кругом **тоскуется** по Москве [В. Пьецух, *Письма к Тютчевой*].

Всплывает он, всплывает, а у него никак **не всплывается** [Э. Успенский, *Дядя Федор, пес и кот*].

Очень свободно образуются возвратные безличные формы и в разговорной речи. Приведем несколько примеров из собственных записей. Разговор в семье:

– Ты чего прискакал?

– Не знаю. **Прискакалось**.

Еще пример. Мать – ребенку, не желающему засыпать:

– Полежи, может, **заснется**.

Очевидно, что потенциал данных глагольных форм почти безграничен. Весь вопрос лишь в дискурсивных условиях, которые обеспечат их нормальное (естественное) восприятие. Это, очевидно, и объясняет сдержанное к ним отношение со стороны академических и вузовских грамматик.

Особое положение в грамматической системе русского языка занимают номинативные предложения. Исследователи еще полвека назад отмечали расширение сферы употребления данного типа конструкций в русском языке. Эти факты речи «нельзя отнести к числу стилистически нейтральных конструкций, они характерны для определенных стилей литературного языка» [Воронцова, Граудина, Кузьмина и др. 1968: 324]. Особенно естественны номинативные конструкции в таких жанрах, как заголовки, ремарки в пьесах и сценариях, оглавления, описи имущества и т. п. Но, кроме того,

[...] это «техническое» средство, применяющееся для того, чтобы кратко, без лишних деталей, зафиксировать определенные мысли, наблюдения или просто предметы, факты. Номинативы типичны, например, для записных книжек, дневников, писем [Воронцова, Граудина, Кузьмина и др. 1968: 324].

И речь идет не только об автономных употреблениях именительного падежа в качестве назывных предложений, но и о сочетаемости номинативных

словформ между собой. Обратимся к реальным речевым фактам. Вот примеры из русскоязычных газет, рекламирующих промышленные товары, сельскохозяйственную продукцию, строительные и бытовые услуги и т. п. *Ванна чугунная Новокузнецк; Сапоги Италия; Откосы гипсокартон; Гипсокартон, сухие смеси доставка; Котел дрова; Колодцы чистка; Крыши покраска.*

Первый вопрос, который возникает при взгляде на эти примеры, это: «Можно ли так сказать по-русски?» Ответ: можно. Так говорят и даже пишут. Но все эти факты существуют в некоторых дискурсивных условиях. Естественным для них речевым «фоном» являются товарные (торговые) этикетки, коммерческая номенклатура, техническая документация и т. п.

Добавим, что, хотя приведенные примеры явно нарушают какие-то синтаксические нормы русского языка, они строятся по своим правилам. Не только второе, но и первое слово в этих конструкциях «застывает» в номинативе (нельзя сказать «Она пришла в сапогах Италия»). Строго регламентируется порядок следования элементов (нельзя сказать «Новокузнецк ванна», «Италия сапоги» и т. п.). Следовательно, это не «аграмматизм», а – особая, дискурсивно обусловленная грамматика [см.: Норман 2013: 6–8].

Что же выигрывает носитель языка, если он вместо *сапоги из Италии* (или: *сапоги итальянского производства*) говорит или пишет *сапоги Италия*? Или вместо *ванна производства новокузнецкого завода* и *крыша, выложенная черепицей*, говорит *ванна Новокузнецк, крыша черепица* и т. п.?

Во-первых, он выигрывает время и пространство. Вспомним уже отживший свое жанр телеграмм: нормальным для телеграфного текста было опущение предлогов, союзов и частиц – и, как правило, это не приводило ни к каким коммуникативным недоразумениям! Сегодня стремление говорящего (в частном случае – пишущего) к **лаконизму**, к экономии времени и печатной площади особенно проявляется в той ситуации, когда время и пространство оборачивается деньгами, где оплачивается каждая строка или даже буква текста.

Во-вторых, дискурс оперативной информации, торговли и логистики, технической документации требует не просто концептуализировать накопленные знания о мире, но представить их в соответствующем данному стилю и жанру виде. Можно считать интересующие нас конструкции своего рода **маркерами определенной сферы** общественных отношений и, вместе с тем, определенного стиля жизни. Очевидно также, что смысл интересующих нас синтаксических конструкций проецируется на «отстоявшийся опыт» человека, на систему окружающих его реалий. Так называемый «здоровый смысл» составляет важную часть неписанных соглашений между говорящими на данном языке.

Между прочим, и в этих сочетаниях мы можем усмотреть «возврат в прошлое»: конструкции с приложениями типа *чебот зелен сафьян* или *шуба сукно красномалиново* [Буслаев 1959: 453] знаменовали собой целый этап (пара-тактический) развития русского синтаксиса. Конечно, сегодня мы наблюдаем

возврат «по спирали», на другом фоне, в других дискурсивных условиях. Но уместно заметить, что, например, А. И. Смирницкий относил к потенциальным явлениям и отмирающие, уходящие факты языка: они как бы уходят в резерв: «Характер потенциальных слов приобретают и слова, выходящие из употребления: их воспроизводимость, их принадлежность к языку оказывается для массы говорящих уже неизвестной» [Смирницкий 1954: 17]. Не случайно современные поэты так активно «реанимируют» в своем творчестве, казалось бы, уже отжившие, умершие языковые явления [см.: Зубова 2000].

Одновременно с расширением сферы употребления номинативных предложений в русском языке происходит общая активизация формы именительного падежа. И, что характерно,

[...] экспансия именительного падежа в сфере современной устно-разговорной речи осуществляется на широком фоне общей тенденции к ослаблению спаянности компонентов различных цельнооформленных синтаксических единиц [Воронцова, Граудина, Кузьмина и др. 1968: 346].

Влияние разговорной речи на современный речевой укус не подлежит сомнению; более того, известно, что со временем многие «чисто разговорные» явления кодифицируются, принимаются литературной нормой.

Поэтому примеры типа *сапоги Италия* или *ванна Новокузнецк* следует рассматривать на широком фоне паратактических и ассоциативных («соприкасабельных») синтаксических связей, а также сегментации, парцелляции и эллипсиса, столь характерных для современных русскоязычных текстов. В сферу этих явлений попадают и результаты многообразных синтаксических преобразований, вроде *сокращение миллион двести, курсы квалификации, сосед справа, положения на защиту, выходить на Пушкина* и т. п., и лозунгово-заголовочные биномы типа *Взрослым о детях; Подарок в студию; По секрету всему свету; Погода на завтра; Техника – молодежи* и т. п. [см.: Норман 2012б; 2012в].

Мы говорим о том, что дискурсивная обусловленность синтаксической единицы (ее готовность к функционированию в определенных общественных, стилевых, жанровых границах) способна влиять на степень и характер ее грамматической организации (иначе говоря, на ее структурированность). Фактически именно дискурс определяет, может ли данная последовательность словоформ выполнять роль коммуникативной единицы и каковы ее (этой единицы) границы. В свое время данную мысль со всей категоричностью высказывал В. А. Звегинцев:

Главные, основные признаки предложения надо искать не внутри предложения, не в его внутренних структурных и формальных качествах, а вне – на уровне дискурса, где и определяются границы предложения как отдельной, «выделимой» единицы [Звегинцев 1976: 172].

Таким образом, признаком высказывания должна быть не только структурная организованность, но и дискурсивная востребованность! Носитель языка то и дело сталкивается с какими-то «вариантами» грамматики – и в соответствующих условиях он воспринимает это как должное. Действительно, такие жанры, как кулинарный рецепт, брачное объявление, гороскоп, кроссворд, техническое описание, завещание, свод законов, расписание движения поездов и т. д., характеризуются своим набором грамматических характеристик. Странно было бы, если бы лингвист попытался изучить систему функционирования лиц русского глагола, скажем, по *Уголовно-процессуальному кодексу*: он не встретил бы там форм ни 1-го, ни 2-го лица. Точно так же он не нашел бы там ни форм повелительного или сослагательного наклонений, ни будущего времени! То, что допустимо или даже приветствуется в одном стиле и жанре, может расцениваться как грубая ошибка («отклонение от нормы») в других речевых условиях.

У нас, например, не вызывают никакого удивления или раздражения названия поэтических произведений, помещенные в оглавлениях сборников. Дело в том, что стихотворения часто называются по первой строке, не составляющей никакого синтаксического единства. В частности, среди стихотворений Александра Блока есть такие, как: «Есть в дикой роще, у оврага...», «Пока спокойною стою...», «Порою вновь к твоим ногам...», «В сумерки девушку стройную...», «Мне гадалка с морщинистым ликом...». С точки зрения «общепринятых» правил грамматики это явные нарушения – незаконченные предложения! Однако мы знаем: в данной дискурсивной сфере, в данном жанре это вполне допустимо.

У заголовков вообще особая грамматика. В частности, А. С. Попов, изучая структуру газетных материалов, пришел к выводу, что «информативная функция заглавий, т. е. выражение заглавием содержания статьи, не превращает речевые отрезки, используемые для озаглавливания, в предложения» [Попов 1966: 97]. Мы бы добавили: но с легкостью превращает их в полноценные высказывания! Здесь, на газетной полосе, широко используются конструкции, не обладающие ни цельностью, ни самостоятельной значимостью – такие, как «осколочные» предложно-падежные и наречные формы (*Перед стартом; Достойно Шекспира: Красиво, удобно*), деепричастные обороты, придаточные предложения, безадресные побудительные конструкции (*Полностью и в срок!; Планировать будущее науки!; Маяку – не погаснуть!* и т. п.). В общем, заключает А. С. Попов, «синтаксис заглавий имеет своеобразные черты, отсутствующие в общем синтаксисе литературного языка» [Попов 1966: 100].

Если мы возьмем научный текст, то и здесь мы обнаружим массу грамматических особенностей. Естественно, предложения тут будут обладать повышенной длиной и сложностью, в том числе за счет причастных и деепричастных оборотов, соподчиненных и последовательно подчиненных придаточных предложений. В научном тексте будет встречаться масса вводных слов

и коннекторов, типа *во-первых, во-вторых, следовательно, соответственно, тем самым, таким образом, тем не менее* и т. п. И даже служебные слова здесь будут особенные: *в силу, не говоря (уже) о, при условии если, и/или, по мере того как, применительно к, в плане* и т. п. Частота употребления падежных форм в научной речи – не такая, как в среднем по русскому языку: самый частый падеж здесь – родительный. Допустимы и цепочки родительных падежей (типа *изучение скорости изменения угла вращения...*), столь нежелательные в иных видах текстов. Формы повелительного наклонения в своем прямом значении не востребованы. Говорящий (пишущий) чаще обозначает себя через множественное число, чем через единственное (*мы считаем* вместо *я считаю*) и т. д. Некоторые виды научных текстов вообще обходятся без глаголов (например, поисковый образ документа или список ключевых слов). Рубрикация, наличие ссылок, обилие таблиц, схем, диаграмм и графиков – всё будет разительно отличать современный научный текст от поэтического или публицистического!

У публицистической же речи, как известно, – свои особенности. Здесь масса риторических вопросов, своя система союзов и частиц (в том числе встречаются и устаревшие, типа *отнюдь, доколе, паче, ниже* и т. п.). Чрезвычайно характерен для публицистики прием парцелляции и т. д.

Не стоит удивляться и своеобразию разговорной речи – ее грамматике посвящены многие десятки специальных работ (на русском материале – прежде всего Н. Ю. Шведовой, Е. А. Земской, О. Б. Сиротининой, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой и др.). Шарль Балли писал еще в начале XX в.:

Было бы весьма странно, если бы разговорный язык не обладал особым синтаксисом, действительно, с этой точки зрения он представляет целый ряд особенностей, которые столь же интересны, сколь мало изучены. Разговорный синтаксис не изучают главным образом потому, что не считают его достойным внимания; от него старательно отгораживаются под тем предлогом, что в нем всё «неправильно» [Балли 1961: 352].

Точно так же своеобразна грамматика воинских донесений, научных библиографий, чатов в Интернете и т. д. Фактически это означает, что грамматика в своих основаниях обуславливается прагматикой; эти две составляющие смысла «перетекают» друг в друга. Выбор того или иного набора грамматических правил зависит от дискурсивных условий, а именно: кто, с кем, на какую тему и в рамках каких принятых конвенций строит свою речь.

Понимание того, что грамматические явления неравномерно распределяются по сферам речевой деятельности, начало формироваться в ходе исследований по грамматической статистике, ведущихся с середины XX в. [Йоссельсон 1966; Головин 1971; Těšitelová 1980; Kempgen 1995 и др.]. Частота употребления отдельных грамматических категорий оказывается

признаком, хорошо различающим разные стили. В последнее время становится популярным изучение грамматических «профилей» слов. Имеются в виду работы [Gries, Divjak 2009; Janda, Lyashevskaya 2011] и др. Известная исследовательница русской разговорной речи О. А. Лаптева в 70-е гг. прошлого века констатировала:

К нашему времени функциональное размежевание, все углубляясь и захватывая все ярусы языковой системы, начинает активно влиять на грамматику, определяя множественность ее реально-языковых воплощений [Лаптева 1976: 7].

Как мы могли видеть, это функциональное размежевание не ограничивается стилями речи, но проникает до уровня отдельных жанров. И актуальной становится задача создания «грамматики отдельных жанров».

Конечно, многообразие реальных «грамматик» – разговорной речи, научных и юридических текстов, поэтических произведений и вообще художественной литературы, Интернета и т. п. – должно иметь некоторый **инвариант**. Ему-то и должно соответствовать описание литературного языка, получающее свое закрепление прежде всего в нормативных грамматиках. Именно на инвариантные грамматические знания ориентируется каноническая грамматика, представленная академическими и иными солидными изданиями. Но действительны ли эти знания для любого функционального стиля и жанра русского языка? Очевидно, нет. На практике к ним прибавляются еще те правила, которые имеют ограниченное «хождение», употребление только в рамках определенного дискурса. Это и составляет **реальную грамматику носителя языка**.

Что же в таком случае имеется в виду под потенциальной грамматикой? Потенциальная грамматика – наиболее «рискованная» часть лингвистического описания, потому что она ориентирована в будущее. Отталкиваясь от фактов реальной грамматики и проецируя их на языковую систему, она пытается прогнозировать развитие языковой структуры.

А. А. Зализняк в своем *Грамматическом словаре* отмечал сложную проблему «потенциальных форм, т. е. форм, которые фактически почти никогда не встречаются, но при необходимости всё же могут быть образованы по общим правилам русского словоизменения» [Зализняк 1987: 7]. В качестве примеров ученый приводил форму множественного числа существительных типа *еда, нейтралитет, гордость* или краткую форму от прилагательных типа *сосновый, пограничный*. Подобных фактов – редких, но возможных – в масштабе русского языка довольно много. Они воплощают в себе глубинные «нестыковки» системы и структуры языка.

Так, давно обсуждается в русской лингвистике правомерность образования действительных причастий будущего времени. Формы типа *побегающий, возмущий* занимают свою клеточку в системе временных форм. Логика тут проста: если у личных форм глагола есть три времени: *читал, читаю*

и прочитаю, то почему не быть и читавший, читающий и читающийся? Вот примеры из газетных текстов: *журналист, постаравшийся испортить вам праздник; эпизод, заинтересующий нашего главного футбольного статистика; фактор, повлиявший на всю политику Японии...* А вот пример из мемуарной литературы:

Сообщите мой адрес и другим читателям, **пожелающим**, может быть, написать мне о своей жизни, своих наблюдениях над новыми процессами, происходящими в деревне [В. Молчанов, *Дорогие страницы памяти*].

Рассматривая динамику употребления подобных форм в XX в., В. А. Ицкович констатировал:

Причастия будущего времени в современном языке единичны, остаются за пределами литературного употребления, отсутствуют в структуре современного русского литературного языка. Это «пустая клетка» в системе причастных форм [Ицкович 1968: 16].

Однако вот совсем свежая публикация известного энтузиаста обновления русского языка М. Эпштейна, в которой говорится:

Самое простое и эффективное, что мы можем сделать для развития современного русского языка, – это освободить его от искусственных запретов, легализовать то, что язык никогда не прекращал делать «исподтишка». Одна из назревших перемен в грамматическом законодательстве – это признание причастий будущего времени [Эпштейн 2014: 7].

Думается, что призывы такого рода переоценивают «законотворческие» возможности языковеда. Из сферы потенциальной грамматики никто эти формы и не изгонял. А «лоббировать» их интересы применительно к литературному языку кажется нам наивным. Язык сам решает такие вопросы.

М. В. Всеволодова обращает внимание на использование в русских текстах страдательных причастий настоящего времени на *-им, -ем, -ом*. Она приводит массу реальных, хотя и не вполне привычных, на первый взгляд, примеров из текстов, вроде *президент, не беромый наркозом; кинжал, кладомый между мужчиной и женщиной; пекомый горячим солнцем* и т. п. У Михаила Веллера есть книга *Укуситель и укусомый*; в текстах встречаются *везомый, жгомый, пасомый* и т. п. Наблюдения над подобными фактами служат основанием для следующего вывода: «Само употребление причастий – факт определенного уровня владения литературным языком. И если они есть, значит, они нашей речью востребованы» [Всеволодова 2012: 45].

Кроме упомянутых выше явлений, сферу потенциальной грамматики русского языка образует обширная масса фактов: вторичный имперфектив (типа *написывать* или *захачивать*), краткие формы относительных прилагательных (*шинелен, колбасен*), хортативные формы на *-мте* (*забудемте*,

уничтожимте), деепричастия на *-а* вроде *пия, сменя, зовя, рвя*, отадъективные наречия на *-о* (*деревянно, столично*), собирательные числительные сверх некоего предела (*одинадцатеро, двадцатеро*) и многие другие.

Есть ли у них будущее, сказать трудно. Но ясно: это многообразный материал, находящийся на периферии языковой системы и составляющий резерв ее развития. Включать его в лингвистическое описание мы имеем право только при том условии, если мы различаем грамматику каноническую, ориентированную на некий функциональный инвариант, грамматику реальную, учитывающую дискурсивные условия, и грамматику потенциальную, перспективы которой никогда не будут четко определены. Вот это и есть объективный подход к грамматике.

Однако означает ли это возможность составления единой и всеобъемлющей – «объективной» – грамматики русского языка? В другой своей работе М. В. Всеволодова пытается ответить на этот вопрос так:

Наш повседневный язык количественно много богаче языка художественной литературы, и без учета всего корпуса языка (и говорюв) мы не увидим действительную его систему, не поймем принципы его функционирования как живого механизма. [...] Это не означает смещения нормы и ненормативных на данный момент единиц и употреблений. Речь идет о необходимости учитывать в процессе исследований явления всего языка, что позволит предвидеть возможные изменения нормы и понимать их причины [Всеволодова 2013: 30].

Мы придерживаемся того мнения, что чем шире изучаемый лингвистом объект, тем труднее увидеть в нем систему. Ведь в каких-то своих частях «объективная грамматика», предлагаемая М. В. Всеволодовой, будет противоречить сама себе. Как можно объединить под одной крышей все перечисленные в нашей статье дискурсивно обусловленные явления? Скажем, как можно соединить паратактические номинативные конструкции, свойственные разговорной речи, с деепричастными оборотами или многочленными цепочечными номинациями в речи научной? Ведь каждый «подъязык» (диалект, социолект, функциональный стиль и т. п.) представляет собой образование, в котором все элементы находятся в глубинных связях между собой. Сложение их особенностей даст некий механический конгломерат, лишенный такого важнейшего свойства языка, как системность. Поэтому создание «объективной грамматики», судя по всему, останется благим намерением. Разумнее было бы, с нашей точки зрения, поставить задачу написать ряд «грамматик русского языка» – грамматику юридических документов, грамматику разговорной речи, грамматику поэтических текстов, грамматику заголовков и т. д.

Литература

- Апресян Ю. Д. (ред.), 1997–2003, *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, вып. 1–3, Москва: Языки русской культуры.
- Балли Ш., 1961, *Французская стилистика*, Москва: Издательство иностранной литературы.
- Бондарко А. В., 1984, *Функциональная грамматика*, Ленинград: Наука.
- Буслаев Ф. И., 1959, *Историческая грамматика русского языка*, Москва: Учпедгиз.
- Вежбицкая А., 2011, *Семантические универсалии и базисные концепты*, Москва: Языки славянских культур.
- Виноградов В. В., 1947, *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*, Москва–Ленинград: Учпедгиз.
- Воронцова В. Л., Граудина Л. К., Кузьмина С. М. и др., 1968, *Морфология и синтаксис современного русского литературного языка*, (Русский язык и советское общество, под ред. М. В. Панова), Москва: Наука.
- Всеволодова М. В., 2012, К вопросу об объективной грамматике, *Urbi et Academiae. Граду и научному сообществу* [Санкт-Петербург], с. 42–49.
- Всеволодова М. В., 2013, О грамматике полных и кратких форм прилагательных и причастий в русском языке, *Вопросы языкознания*, № 6, с. 3–32.
- Головин Б. Н., 1971, *Язык и статистика*, Москва: Просвещение.
- Зализняк А. А., 1977, *Грамматический словарь русского языка. Словоизменение*, Москва: Русский язык.
- Зализняк А. А., 1987, *Грамматический словарь русского языка. Словоизменение*, Москва: Русский язык.
- Звегинцев В. А., 1976, *Предложение и его отношение к языку и речи*, Москва: Издательство Московского университета.
- Золотова Г. А., 1988, *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*, Москва: Наука.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю., 1998, *Коммуникативная грамматика русского языка*, Москва: Филологический факультет МГУ.
- Зубова Л. В., 2000, *Современная русская поэзия в контексте истории языка*, Москва: Новое литературное обозрение.
- Ицкович В. А., 1968, *Языковая норма*, Москва: Просвещение.
- Йоссельсон Г. Г., 1966, Подсчет слов и частотный анализ грамматических категорий русского литературного языка [в:] Л. Н. Засорина (ред.), *Автоматизация в лингвистике*, Москва–Ленинград: Наука, с. 105–127.
- Караулов Ю. Н., 1993, *Ассоциативная грамматика русского языка*, Москва: Русский язык.
- Лаптева О. А., 1976, О влиянии функционального расслоения литературного языка на его грамматику [в:] Г. А. Золотова (отв. ред.), *Синтаксис и стилистика*, Москва: Наука, с. 5–24.
- Норман Б. Ю., 2012а, Между языком и текстом (потенциальная грамматика) [в:] *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*, (Труды Уральского психолингвистического общества, вып. 10), Екатеринбург, с. 5–17.

- Норман Б. Ю., 2012б, О двучленных конструкциях типа *взрослым о детях, с песней в дорогу, привет родителям* [в:] М. Д. Воейкова (отв. ред.), *От значения к форме, от формы к значению: Сборник статей в честь 80-летия А. В. Бондарко*, Москва: Языки славянских культур, с. 432–444.
- Норман Б. Ю., 2012в, О процессах синтаксической компрессии в современных славянских языках, *Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка*, т. 71, № 6, с. 3–11.
- Норман Б., 2013, *Сапоги Италия, ванна Новокузнецк, крыша черепица...* О дискурсивной обусловленности грамматики, *Slavica Nitriensia*, № 1, с. 5–17.
- Попов А. С., 1966, Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие [в:] Н. С. Поспелов, Е. А. Иванчикова (ред.), *Развитие синтаксиса современного русского языка*, Москва: Наука, с. 95–126.
- Потебня А. А., 1968, *Из записок по русской грамматике*, т. III, Москва: Просвещение.
- Ремчукова Е. Н., 2005, *Креативный потенциал русской грамматики: Монография*, Москва: Издательство Российского университета дружбы народов.
- Смирницкий А. И., 1954, *Объективность существования языка*, Москва: Издательство Московского университета.
- Шарандин А. Л., 2001, *Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология*, Тамбов: Издательство Тамбовского государственного университета.
- Шмелева Т. В., 2008, Притяжательные прилагательные: почему не сбывается виноградский прогноз? [в:] А. Мустайоки, М. В. Копотев, Л. А. Бирюлин, Е. Ю. Протасова (ред.), *Инструментарий русистики: корпусные подходы*, (*Slavica Helsingiensia*, Vol. 34), Хельсинки: Yliopistopaino, с. 358–371.
- Эпштейн М., 2014, Есть ли будущее у причастий будущего времени?, *Русский язык. Методический журнал для учителей-словесников*, № 3, с. 7–11.
- Crystal D., 1995, *Rediscover Grammar with D. Crystal*, Longman Group Limited.
- Gries S. Th., Divjak D., 2009, Behavioral profiles: A corpus-based approach to cognitive semantic analysis [в:] V. Evans, S. Pourcel (eds.), *New Directions in Cognitive Linguistics*, Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, с. 57–75.
- Janda L. A., Lyashevskaya O., 2011, Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense, and mood in Russian, *Cognitive Linguistics*, 22, № 4, с. 719–763.
- Kempgen S., 1995, *Russische Sprachstatistik. Systematischer Überblick und Bibliographie*, München: Verlag Otto Sagner.
- Newmeyer F. J., 2003, Grammar is Grammar, and Usage is Usage, *Language*, Vol. 79, № 4, с. 682–707.
- Sampson G. R., 2007, Grammar without Grammaticality, *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, Vol. 3, № 1, с. 1–32.
- Těšitelová M., 1980, *Využití statistických metod v gramatice*, Praha: Akademia.